

Цзи Хэн чувствовал досаду и некоторую беспомощность.

Как же так вышло, что он поцеловал его? И ведь это был всего лишь евнух, а он, не раздумывая, приложился к нему губами. Мало того, после поцелуя он не испытал ни капли отвращения, напротив — даже осталось какое-то странное послевкусие...

Стоп! Хватит об этом думать!

Цзи Хэн подпер голову рукой, невидящим взглядом уставившись на лежащий перед ним доклад. В конце документа, там, где полагалось ставить императорскую резолюцию, он лишь вывел красной кистью иероглиф Тянь. Ровный, четкий, с острыми углами — он словно насмешливо скалился на него, безмолвно издеваясь.

Склонность к однополой любви! Разврат с евнухом! Разве это не омерзительно?

Цзи Хэн внезапно вспыхнул и яростно заштриховал иероглиф красной краской, пока от него не осталось лишь алое пятно. На первый взгляд оно напоминало лужицу крови, отчего становилось не по себе.

Он отбросил кисть и откинулся на спинку кресла, чувствуя полное изнеможение. В голове было пусто, но грудь словно распирало от тяжести, мешая дышать.

Спинка кресла была выполнена из чистой меди с позолотой, без всякой мягкой обивки. Раньше он не обращал на это внимания, но теперь жесткий металл лишь усиливал его раздражение.

Не в силах сдержаться, Цзи Хэн сжал кулак и с силой ударил по столу. Книги, свитки и кисти подскочили и сдвинулись с мест, а фарфоровая подставка для кистей издала жалобный звон. Лишь чернильница из темного нефрита осталась непоколебимой, лишь слегка вздрогнув, отчего на поверхности чернил пошли тревожные круги.

Шэн Аньхуай, услышав шум, встревожился и семенил в кабинет, чтобы проверить, что случилось. Увидев его, Цзи Хэн сухо спросил:

— Что еще?

Шэн Аньхуай, чувствуя неловкость — ведь не признаваться же, что он вошел из беспокойства за императора, — поспешно ответил:

— Ваше Величество, Вдовствующая императрица прислала вам собственноручно приготовленный целебный чай. Кроме того, она передала, что в ее саду поспели свежие фрукты, а вишневые деревья, за которыми ухаживали слуги, в этом году дали отличный урожай. Она просит вас при возможности заглянуть во дворец Цынин на дегустацию.

Хотя Цзи Хэну вовсе не были нужны эти фрукты, он не мог позволить себе резких слов, когда мать старается наладить с ним отношения, поэтому промолчал.

Однако то, что Вдовствующая императрица выбрала именно этот момент для приглашения, заставило его заподозрить, что все дело в Кон-фэй, и на душе стало неприятно.

Он и так был не в духе, а перспектива прощать Кон-фэй против своей воли злила его еще больше. Подумав, он распорядился:

— Отправь всех слуг, замешанных в деле с выкидышем у Вань-пинь, во дворец Юйхуа. Передай

мой указ: пусть Благородная супруга Шунь проведет тщательное расследование. Никакой пощады.

Шэн Аньхуай поклонился и удалился.

Вскоре после этого Цзи Хэн отправился во дворец Цынин.

Увидев, что сын пришел так быстро, Вдовствующая императрица решила, что он пошел на уступки, и обрадовалась. Она велела подать чай и фрукты, а затем, указывая на блюдо с вишней, сказала:

— Это плоды с деревьев, выращенных моими садовниками. Обычно вишня поспевает в третий или четвертый месяц, но им удалось отсрочить созревание на два-три месяца. Так что даже в такую жару мы можем насладиться свежими и сочными ягодами. Скажи, разве это не прекрасно?

Цзи Хэн попробовал одну ягоду и невозмутимо ответил, что прекрасно.

Вдовствующая императрица начала светскую беседу, постепенно перейдя к делу Вань-пинь. На самом деле, она сама была в затруднительном положении: не хотела разочаровывать сына, но и не могла допустить, чтобы с Кон-фэй что-то случилось.

Однако Цзи Хэн заявил, что больше не занимается этим вопросом — дело передано Благородной супруге Шунь.

Вдовствующая императрица изумилась:

— Почему?

— Благородная супруга Шунь ведет дела осмотрительно, я ей доверяю.

Последняя фраза прозвучала как удар в сердце. Если он доверяет Благородной супруге Шунь, то кому же он не доверяет? Кон-фэй или собственной матери?

Услышав это, Вдовствующая императрица поняла, что ее пронзительный сын уже обо всем догадался. Она с горечью произнесла:

— Хэн-эр, ты же знаешь, я желаю тебе только добра. Если ты считаешь, что я поступила в чем-то не так, скажи прямо, не позволяй другим вбивать клин между нами.

Услышав мягкий тон матери, Цзи Хэн улыбнулся:

— Матушка, вы шутите. Кому бы я еще ни доверял, никто не сравнится с вами. Чтобы во всем разобраться, нужно время, а если говорить откровенно, я и сам не хочу раздувать этот скандал.

Вдовствующая императрица поняла, что он намерен пощадить Кон-фэй, но теперь, когда компромат на нее оказался в руках Благородной супруги Шунь, это неизбежно приведет к последствиям. Ее сын всегда был осторожен и мастерски владел искусством сдержек и противовесов, и теперь он перенес методы придворной политики вглубь гарема. Несмотря на тяжесть на сердце, она знала, что для его характера это уже значительная уступка, и не стала продолжать разговор.

После еще немного поболтали, и Цзи Хэн спросил про Жуи. Вдовствующая императрица кивнула в сторону сада:

— Он играет там с тем твоим маленьким слугой.

Цзи Хэн понял, что речь о Тянь Ци. Он хотел навестить Жуи, но мысль о том, что там находится Тянь Ци — вчерашний инцидент заставил его сердце биться чаще и одновременно вызвал желание забыть обо всем, — заставила его заколебаться.

Вдовствующая императрица удивилась:

— Ты не хочешь повидаться с Жуи?

Эти слова придали Цзи Хэну решимости. Он встал:

— Пойду взгляну. Жуи такой непоседа, того и гляди натворит бед.

Получив одобрение матери, он развернулся и ушел.

Вдовствующая императрица, довольная тем, что сын пошел ей навстречу, добавила:

— Не волнуйся, Тянь Ци хороший малый. Я спокойна, когда Жуи играет с ним.

Цзи Хэн лишь что-то буркнул в ответ, но зашагал быстрее, почти сбегая.

Тянь Ци и Жуи играли в саду у вишневого дерева. Кроме них там были Дай Саньшань и Шэн Аньхуай.

Шэн Аньхуай, закончив дела, тоже пришел во дворец Цынин. Император был не один, и ему, по идее, не нужно было здесь находиться, но он не находил себе места. Его император стал странным, превратился в извращенца, и Шэн Аньхуай, считая себя верным слугой, чувствовал долг присматривать за ним.

К тому же, здесь был Тянь Ци...

Узнав, что император беседует с Вдовствующей императрицей, Шэн Аньхуай не стал входить, а направился в сад, где наблюдал за игрой Тянь Ци и Жуи.

Тянь Ци не привыкать было к вниманию, но сейчас она чувствовала себя крайне неудобно. Взгляд Шэн Аньхуая был таким странным и неопределенным, будто он смотрел на жертвенного барана, испытывая жалость, отчего у нее по спине бегали мурашки.

В конце концов она не выдержала и шепотом спросила:

— Дедушка Шэн, у вас есть что мне сказать? Говорите прямо, мы же свои!

Шэн Аньхуай лишь с тяжелым вздохом похлопал Тянь Ци по плечу:

— Тянь Ци, смотри на жизнь проще.

Тянь Ци: «...» Она и так всегда смотрела на жизнь проще некуда!

Шэн Аньхуай, конечно, не мог раскрыть ей истинную причину своего поведения. Он хранил эту тайну как зеницу ока, боясь проговориться даже во сне. Прошлую ночь он проворочался до рассвета, а когда наконец уснул, ему приснилось, что он выдал правду, и он проснулся в холодном поту, больше не сомкнув глаз.

Тянь Ци не знала о душевных терзаниях Шэн Аньхуа и лишь спросила:

— Это значит, что мне будет еще труднее выбраться из дворца?

— Хе-хе... — Шэн Аньхуа взмахнул метелкой, не желая продолжать, — забудь пока об этом, Его Высочество тебя зовет.

Жуи уже дважды окликнул Тянь Ци, но она не услышала. Теперь она переключила внимание на него и взяла за руку:

— Ваше Высочество, что случилось?

Жуи указал на дерево, усыпанное красными ягодами:

— Я хочу их. Сорви мне.

Деревце было еще молодым, не выше человеческого роста, и в этом году впервые принесло так много плодов. Тянь Ци подняла голову: среди изумрудной листвы гроздь вишни сверкали, словно промытые родниковой водой агаты. Легкий ветерок колыхал ветви, и ягоды тихонько звенели, как крошечные колокольчики.

У Тянь Ци потекли слюнки. Она знала, что это дерево — сокровище Вдовствующей императрицы, но раз уж Жуи попросил, она не могла отказать. Засучив рукава, она ловко взобралась на ствол. К счастью, она была худощавой, иначе тонкое деревце могло бы под ней сломаться.

Жуи радостно хлопал в ладоши, подбадривая ее.

Усевшись на ветку, Тянь Ци сорвала одну ягоду, протерла платком, удалила плодоножку и отправила в рот. Вкуснотища! Сладкая, сочная, просто объедение.

Одной было мало, она сорвала вторую, третью, кивая сама себе от удовольствия.

Жуи снизу с нетерпением следил за каждым ее движением. Ему, как ребенку, просто хотелось сорвать ягоды ради забавы, но, видя, с каким аппетитом ест Тянь Ци, он тоже захотел попробовать. Стесняясь попросить, он с надеждой смотрел на нее и спрашивал:

— Тянь Ци, вкусно?

— Вкусно! — ответила она, отправляя в рот еще одну ягоду. Она продолжала есть, попутно собирая вишню в подол одежды, чтобы потом спустить Жуи.

Жуи не вытерпел и снова спросил:

— Вкусно?

Смысл вопроса был очевиден.

— Вкусно, очень вкусно! — повторяла Тянь Ци. Она видела, как Жуи сглатывает слюну, и это зрелище так ее забавляло, что она из вредности не торопилась слезать, продолжая дразнить его.

Жуи облизнул губы, его глаза заблестели, как у птенца, ожидающего корма:

— Я тоже хочу... — наконец вымолвил он.

— Подожди немного, я наберу побольше, — ответила она, все еще сидя на дереве.

Жуи чуть не заплакал от нетерпения:

— Тянь Ци, Дай Саньшань тоже хочет!

Дай Саньшань вытянул шею, не мигая, смотрел на них, но вдруг спрятал голову и лапы в панцирь.

Видя состояние Жуи, Тянь Ци перестала его дразнить:

— Хорошо, сейчас наберу целую кучу, подожди еще немного. — Она забралась повыше и принялась быстро срывать ягоды.

Именно в этот момент к дереву подошел Цзи Хэн и поднял голову. Отец и сын были как две капли воды — их позы были идентичны.

Однако, хотя они смотрели в одну сторону, видели они разное. Жуи видел только вишню, вишню и еще раз вишню. Он постоянно сглатывал слюну, боясь, что она потечет по подбородку.

А Цзи Хэн... в его глазах была только Тянь Ци.

Округлые, упругие ягодички, прижатые к ветке, вырисовывались под тканью одежды, которая натянулась от напряжения. Цзи Хэну казалось, что он чувствует их на ощупь даже на таком расстоянии. Его руки, висевшие вдоль тела, непроизвольно сжались в кулаки. Осознав свои грязные мысли, он смущенно кашлянул и, опасаясь, что кто-то заметит, огляделся. К счастью, все слуги почтительно склонили головы, застыв как изваяния. Шэн Аньхуай не был исключением.

Единственный, кто не опустил голову, был Жуи, но он был слишком увлечен вишней.

У Цзи Хэна пересохло в горле. В памяти всплыли те самые абсурдные и порочные сны, где все было так осязаемо, но при этом зыбко. А здесь, перед глазами, была реальность, такая близкая и в то же время недостижимая. Его мысли смешались, а разум помутился.

Жуи услышал, как его отец сглотнул слюну.

Обрадовавшись, он нашел для Тянь Ци новый стимул:

— Тянь Ци, папа тоже хочет! Поторопись!

Цзи Хэн: «...»

Он хотел было возразить, но Тянь Ци, испугавшись окрика «папа», вздрогнула. Полы ее одежды, в которых она собрала вишню, разжались, и ягоды красным водопадом посыпались вниз, прямо на голову Цзи Хэну.

Цзи Хэн, только что вышедший из своих мечтаний и собиравшийся заговорить с сыном, не успел среагировать и принял весь удар на себя.

Жуи тоже досталось несколько ягод, но они отскакивали от головы отца, теряя силу, поэтому

ему было только весело, и он заливался смехом.

Тянь Ци попыталась поймать ягоды, но было поздно. Шляпа Цзи Хэна съехала набок, а декоративные крылышки на ней поникли, отчего он стал похож на поверженного в бою огромного сверчка.

Цзи Хэн, поправляя кривую шляпу, сохранял невозмутимое выражение лица. Он решил, что это кара за его грешные мысли.

Слуги вокруг, увидев это, повалились на колени, и только Шэн Аньхуай остался стоять за спиной императора. Узнав секрет своего господина, он наконец понял, почему тот раз за разом прощает Тянь Ци, и теперь сохранял полное спокойствие, с некоторым превосходством поглядывая на перепуганных коллег.

Тянь Ци, одной рукой держась за ветку, а другой прижимая остатки ягод, дрожала от страха. Она наклонилась, пытаясь разглядеть Цзи Хэна:

— Ваше Величество, вы... вы в порядке? — спросила она и тут же пожалела об этом. Разве император может быть в порядке, когда выглядит столь жалко?

Цзи Хэн поднял голову, намереваясь отчитать ее, но, увидев лицо, выглядывающее из зелени, почувствовал, как гнев улетучивается.

Спелые, блестящие вишни, словно драгоценные камни, подчеркивали белизну кожи Тянь Ци. Эти естественные украшения делали ее лицо еще светлее и прозрачнее, а ясные, живые глаза придавали ей неземной вид.

Тянь Ци слегка покачнулась. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, падал на лицо Цзи Хэна, ослепляя его. Он зажмурился, и образ Тянь Ци в ореоле света и красных ягод показался ему чем-то нереальным, далеким, словно прекрасный цветок за облаками.

Цзи Хэн потер глаза, пытаясь прийти в себя. Шэн Аньхуай воспользовался моментом и предложил императору снять испорченную шляпу.

Тянь Ци, видя, что император молчит, замерла за листвой, надеясь, что он о ней забудет.

Разумеется, это была пустая мечта. Как только зрение Цзи Хэна прояснилось, он произнес:

— Тянь Ци, спускайся.

Тянь Ци поняла, что сейчас ее ждет расправа, и не шелохнулась:

— Ваше Величество, я боюсь высоты...

Боишься высоты, а сама лезешь на дерево!

Цзи Хэн дернул уголок рта и внезапно раскинул руки:

— Спускайся, я тебя поймаю.

Тянь Ци испугалась:

— Как я могу...

— Меньше слов, спускайся!

Тянь Ци не решилась прыгнуть в объятия императора:

— Ваше Величество, мне так неудобно, пожалуйста, отойдите на два шага назад.

Цзи Хэн, не подозревая подвоха, отступил, все еще держа руки раскинутыми:

— Быстрее!

На самом деле дерево было невысоким. Тянь Ци нашла подходящую ветку, ухватилась за нее и спрыгнула. Упругая ветвь смягчила падение. Она приземлилась прямо на панцирь черепахи, присела, чтобы погасить инерцию, и благополучно оказалась на земле.

Цзи Хэн опустил руки, его лицо помрачнело.

Тянь Ци соскочила с черепахи и с подобострастной улыбкой подошла к нему:

— Ваше Величество.

Цзи Хэн хмыкнул, не желая с ней разговаривать. Он не хотел устраивать сцену здесь, во дворце Цынин, на глазах у слуг Вдовствующей императрицы. Поэтому он приказал двум евнухам из дворца Цяньцин:

— Отведите его во дворец Цяньцин.

Тянь Ци знала, что здесь не место для мольбы о пощаде, и послушно пошла за ними.

Жуи задергал отца за полу халата, требуя объяснений.

Цзи Хэн, не желая, чтобы малыш побежал жаловаться бабушке, подхватил его на руки и вместе с ним, вслед за Тянь Ци, направился во дворец Цяньцин.

Как только они оказались внутри, Тянь Ци упала на колени:

— Ваше Величество, я виноват.

По дороге из дворца Цынин в Цяньцин Цзи Хэн о многом передумал. Главное — он снова попался на крючок.

Они не были рядом, Тянь Ци просто собирала вишню, не делая ничего вызывающего, но Цзи Хэн осознал, что все равно поддался искушению. Любое движение этого маленького извращенца заставляло его воображение рисовать картины, которые он не мог контролировать. Раньше он мог оправдываться тем, что Тянь Ци его соблазняет, но сегодня он был вынужден признать: даже если Тянь Ци просто стоит молча, он все равно чувствует влечение.

Это было похоже на проклятие, от которого невозможно избавиться.

Глядя на бесстрастное, миловидное лицо Тянь Ци, Цзи Хэн почувствовал небывалую усталость. Он больше не хотел бороться — он признал поражение.

Он признал, что постоянно думает о нем.

Он признал, что его желание не утихает, а лишь разгорается сильнее.

Он признал, что мог бы убить его или отослать прочь, но не хочет.

Он признал...

Он признал, что у него не хватает мужества смириться с таким собой.

Но чего ради желать невозможного? Ошибочное остается ошибкой, недостижимое — недостижимым. Лучше покончить с этим раз и навсегда.

Цзи Хэн вдруг почувствовал облегчение. Он слишком долго колебался, не желая отпускать, и в итоге страдал сам.

Поэтому он наконец сказал Тянь Ци:

— С сегодняшнего дня ты уходишь из дворца Цяньцин. Можешь выбрать любое из двадцати четырех ведомств, лишь бы я тебя больше не видел. Понял?

О, это же отличная новость! Тянь Ци, почесывая подбородок, покрутила глазами и осторожно спросила:

— Ваше Величество, любое место можно?

Цзи Хэн кивнул.

Тянь Ци предложила:

— Ваше Величество, раз вы так не хотите меня видеть, может, просто выгоните меня из дворца? Тогда вам не придется на меня смотреть, и на душе будет спокойнее.

Цзи Хэн прищурился:

— Ты хочешь покинуть дворец?

— Нет, — поспешила оправдаться Тянь Ци, — я не хочу расставаться с вами, да и как я могу покинуть императорский дворец? Просто раз я вам так противен, не хочу мозолить глаза, лучше уйти подальше...

Цзи Хэн перебил ее:

— Ты хочешь уйти, чтобы соблазнять и портить моих братьев, верно?

— Нет... — Тянь Ци чувствовала себя бесконечно несправедливо обиженной, зачем он опять завел эту шарманку?

Жуи, не понимая сути разговора, почувствовал, что происходит что-то плохое, и спросил:

— Тянь Ци, ты куда? Ты вернешься?

Цзи Хэн указал на Жуи:

— Хочешь уйти — сначала спроси у него, согласен ли он.

Тянь Ци не посмела спросить. Честно говоря, при мысли об уходе из дворца ей было жаль расставаться именно с маленьким Жуи. Такого милого, красивого и послушного ребенка,

который позволял ей наряжать себя, было не найти. Глядя в его широко открытые, полные печали глаза, она почувствовала, как к горлу подступил ком.

Взглянув на лицо императора, Тянь Ци поняла, что сейчас уйти не получится, и сказала Жуи:

— Ваше Высочество, я просто перехожу в другое место, я все еще буду во дворце, мы сможем играть вместе.

Жуи прижал пухлую ручку к груди, подражая взрослым:

— Напугала меня.

Цзи Хэн взял Жуи на руки и велел Шэн Аньхуаю увести Тянь Ци. Он подбрасывал сына, загораживая собой уходящих.

Жуи звонко хохотал, и его детский смех наполнил просторный зал. Цзи Хэн тоже рассмеялся, но в глубине его глаз промелькнула грусть.

Тянь Ци в итоге оказалась в лавке Баохэ.

Лавка Баохэ была больше и роскошнее других магазинов. Она располагалась на тихой улице Фонарей, где торговали антиквариатом, и выглядела как белая ворона, что вполне соответствовало «богатому» духу евнухов.

Тянь Ци сидела в лавке, щелкая счетами. Ее тонкие, как фарфор, пальцы порхали между косточками. Записав сумму в бухгалтерскую книгу, она встряхнула счеты, и косточки вернулись на места.

Маленький евнух, дремавший неподалеку, услышав два четких щелчка, открыл глаза и заулыбался:

— Управляющий Тянь, вы сегодня неплохо заработали, верно?

Тянь Ци улыбнулась, не отвечая, и бросила ему кусочек серебра:

— Эрбао, возьми, сходи выпей вина.

Эрбао принял серебро, рассыпаясь в лести.

Тянь Ци сама была мастером лести, поэтому чьи-то комплименты не кружили ей голову. Она лишь сказала:

— Вместо того чтобы тратить время на пустые разговоры, лучше бы нашел какую-нибудь ценную вещицу, пользы было бы больше.

— Ой, братец, у меня нет вашего острого глаза. Вы всего несколько дней здесь, а уже стали управляющим. В прошлый раз я купил подделку за пятьдесят лянов, чуть не получил по шее от учителя.

В лавке Баохэ статус управляющего получал тот, кто совершил достаточно сделок и принес хорошую прибыль. Тянь Ци, удачно продав крупную вещь, стала младшим управляющим.

Хотя император и выгнал ее, он был к ней милостив, позволив выбрать место службы. Тянь Ци могла бы пойти в более «хлебные» ведомства, но там был риск: если император решит устроить

проверку, то придется не только отдавать деньги, но и платить кровью.

Поэтому она решила, что лучше работать в Баохэ и зарабатывать своим умом.

Когда Эрбао снова собрался завести разговор, в лавку вошел оборванный мужчина средних лет, пугливо оглядываясь. Эрбао, приняв его за нищего, хотел было выгнать его, но Тянь Ци остановила его:

— Разве так ведут дела? Уважаемый, вы хотите что-то продать?

Мужчина, увидев доброе отношение Тянь Ци, немного расслабился, достал из-за пазухи чистый синий платок и, развернув его, протянул ей вещь.

Тянь Ци увидела маленькую глиняную фигурку: женщина в юбке сидела на табурете и играла на пипе. Фигурка была грубоватой, но яркой и забавной. Эрбао тоже заглянул через плечо и, не найдя в ней ничего ценного, фыркнул:

— Братец, этот нищий пытается надуть нас глиняной игрушкой!

Тянь Ци поскребла ногтем по дну глиняной фигурки, внимательно осмотрела её через увеличительное стекло и произнесла:

— Работа грубовата, но вещь старинная. Такие музыкальные фигурки по одной не делают. Если собрать целый набор, возможно, удастся выгодно продать.

Мужчина поспешно закивал:

— У меня дома есть ещё одиннадцать штук.

— Гм, — Тянь Ци кивнула. — Набор из двенадцати — это редкость. Сколько ты хочешь за всё?

— П-пятьдесят лянов?

Тянь Ци быстро прикинула в уме: если попадётся настоящий ценитель, то благодаря её подвешенному языку выручить можно будет триста, а то и пятьсот лянов. Она кивнула:

— Ладно. Вижу, ты человек нуждающийся, так что я немного уступлю, пусть будет по-твоему. Когда сможешь принести остальные?

— Мне деньги нужны срочно. Можете сходить со мной домой?

Тянь Ци решила, что вряд ли кто-то рискнёт нападать на человека из лавки Баохэ, и, прихватив серебряные билеты, отправилась с ним. Дом оказался продуваемым всеми ветрами, совершенно пустым, если не считать циновки на полу да старого одеяла на кане, где лежала дряхлая старушка. Мужчина назвал её своей матерью.

Тянь Ци поняла, что эти глиняные фигурки — семейная реликвия, и продать их он решился

лишь ради лечения матери. У неё защемило сердце. Обняв коробку с фигурками, она сказала:

— Ты почтительный сын, я не могу наживаться на твоём горе. Эти пятьдесят лянов возьми как задаток, а когда я продам товар, отдам остальное. Я возьму лишь десять лянов в качестве комиссионных, иначе мне не отчитаться перед лавкой... Согласен?

Мужчина рассыпался в благодарностях, провожая Тянь Ци.

Когда она, прижимая к себе коробку, проходила по улице Лунчан, то увидела Сунь Фаня, вышедшего из чайной в окружении слуг. Тянь Ци опустила голову и ускорила шаг, но Сунь Фань всё равно её заметил.

Этот паршивец больше не фаворит императора, подумал Сунь Фань, сегодня я точно отыграюсь.

Увидев, что Сунь Фань направляется к ней, Тянь Ци, не раздумывая, бросилась наутёк. Сунь Фань с криком бросился в погоню:

— Эй ты, щенок, стой!

Тянь Ци бегала не слишком быстро, и оторваться от толпы мужчин ей не удавалось. Не зная, что делать, она вдруг заметила на углу знакомое лицо — Чжэн Шаофэна.

Тянь Ци подбежала к нему и схватила за запястье:

— Быстрее, уходим!

Раз уж она прихватила с собой сына первого министра, те преследователи вряд ли осмелятся швыряться в неё чем попало.

Чжэн Шаофэн перехватил руку Тянь Ци и резко дёрнул её на себя. Тянь Ци внезапно остановилась, коробка вылетела у неё из рук, крышка слетела, и глиняные фигурки, словно обретя крылья, разлетелись в разные стороны.

Чжэн Шаофэн отпустил Тянь Ци и бросился ловить коробку. Он быстро взмахнул ею в воздухе, и фигурки послушно влетели обратно, а одну он успел перехватить рукой.

Едва не случилась беда, Тянь Ци похлопала себя по груди. Там же на сотни лянов добра!

Однако радовалась она рано.

Чжэн Шаофэн, сжимая в руке фигурку, запустил её прямо в несущихся на них слуг дома Сунь. Раздался глухой стук — точно в лоб одному из них.

Слуга рухнул на землю, а фигурка разбилась пополам.

— Не надо! — вскрикнула Тянь Ци.

Чжэн Шаофэн решил, что она беспокоится за него, и улыбнулся:

— Всё в порядке! — С этими словами он принялся выхватывать из коробки остальные фигурки и одну за другой швырять их в противников.

Тянь Ци: «...»

Чжэн Шаофэн двигался слишком быстро, к тому же он нарочно уворачивался от Тянь Ци. Не в силах его остановить, она решила броситься на него, но на полпути была перехвачена чьей-то рукой. Мужская рука легла ей на пояс и легко притянула к себе. Затем её отпустили, и раздался спокойный голос:

— Брат Тянь, не горячитесь. У брата Чжэна отличное владение боевыми искусствами, этим олухам к нему не подобраться.

Тянь Ци только теперь заметила стоявшего рядом мужчину. Соболиные брови, звёздные глаза, благородная осанка — это был Тан Тяньюань, сын Тан Жолина, с которым они уже встречались. Она сложила руки в приветственном жесте:

— Брат Тан, давно не виделись.

Не дожидаясь ответа, Тянь Ци снова попыталась остановить Чжэн Шаофэна, но обнаружила, что тот уже разбросал все фигурки. Теперь он с лихим видом крутил пустую деревянную коробку на пальце, насмешливо глядя на оставшегося в одиночестве Сунь Фаня:

— Ещё поиграем?

Сунь Фань гневно указал на него веером:

— Чжэн Шаофэн, не лезь не в своё дело!

Чжэн Шаофэн внезапно остановил коробку. Сунь Фань решил, что его угроза подействовала, но не тут-то было: Чжэн Шаофэн наклонился, подхватил с соседнего прилавка большой глиняный горшок и, высоко подняв его над головой, прицелился в него.

Сунь Фань пустился наутёк.

Чжэн Шаофэн опустил горшок и подошёл к Тянь Ци:

— Ну как? — его вид так и просил похвалы.

Тянь Ци сохраняла невозмутимое выражение лица.

Чжэн Шаофэн протянул ей пустую коробку:

— О, держи свои вещи.

Тянь Ци: «...»

Она была в отчаянии, хоть волосы на себе рви. Но и винить Чжэн Шаофэна она не могла — он ведь хотел как лучше, спасал её. Сдержавшись, Тянь Ци приняла коробку:

— Благодарю.

— Не стоит церемоний! — Чжэн Шаофэн по-дружески хлопнул её по плечу.

Тянь Ци собрала на поле боя несколько уцелевших фигурок, подобрала крышку, плотно закрыла коробку и, прижав её к груди, собралась прощаться. Но Чжэн Шаофэн не отпустил её:

— Мы идём в гости в резиденцию князя Нин, пойдёшь с нами?

Тянь Ци была не в духе и хотела развеяться, поэтому решила, что поход в княжескую резиденцию — неплохая идея, и отправилась следом. Сначала она недоумевала, как Чжэн Шаофэн мог сойтись с Тан Тяньюанем? Эти двое ни с какой стороны не походили друг на друга: как кузнечик и осёл, как дыня и капустный лист — совершенно из разных миров.

Но Чжэн Шаофэн, стоило ему встретить Тянь Ци, превратился в болтуна и быстро всё объяснил. Оказалось, что его отец, тронутый рвением сына к учёбе, переступил через гордость и упросил Тан Жолина, чтобы тот позволил своему сыну присматривать за этим недотёпой. Не то чтобы он ждал от Тан Тяньюаня чудес, лишь бы тот не давал сыну окончательно опуститься на дно.

Тянь Ци понимала, что Тан Тяньюань вряд ли горит желанием возиться с Чжэн Шаофэном, но отказать первому министру было невозможно. Подумав об этом, она с сочувствием взглянула на Тан Тяньюаня, но тот был невозмутим и слушал болтовню Чжэн Шаофэна без тени раздражения.

Ну вот, ещё один человек с каменным лицом.

<http://bllate.org/book/22267/2330921>